

ГЛАВА I

С раннего утра небо заволокло низкими тяжелыми облаками. Она как раз шла из магазина и все дивилась про себя, потихонечку: ну будто вечер наступил, в самом деле. Ну что за метаморфозы!

Ни одна женщина не имела права на такое количество капризов, которое могла себе позволить природа. Вчера эта самая капризница пригнала откуда-то, с Лапландии быть может, пронизывающий ветер. Еще в начале девятого вечера все казалось тихим и засыпающим, и тут как началось, ветер как взялся метаться меж домами, как начал лопатить редкие горбатые сугробики, которые смастерили трудолюбивые дворники. Вмиг разогнал с неба плотные залежи тихого вечернего ненастья, обнажил мерзнувшие в далеком стылом небе звезды и наобещал на утро такого трескучего мороза, что ей пришлось искать в нижнем ящике комода теплые шерстяные носки.

Любимый Сережка назавтра собрался с мужиками в лес за елками. Говорил, что ненадолго. Что и разрешение у егеря на столе уже неделю лежит. И что будто бы им в лесничестве уже и деревья выбрали, осталось лишь подъехать, чиркнуть бензопи-

лой и уложить все в машину. Мог бы кто-то это сделать и из его подчиненных, но...

Но традиция у Сережки и его друзей была такая — самим ездить в лес за елкой. У кого ведь какая! Кто в баню ходит в канун Нового года. Кто на охоту отправляется или на рыбалку, а они вот за елками ездят. Часа два, говорит, это займет, не больше. Даже озябнуть, мол, не успеет. Да как же, не озябнешь тут при таком-то ветре и морозе!

Утром Сережка на нее руками замахал и отослал куда подальше с шерстяными носками.

— Да у меня, — говорит, — и сапоги-то на них не налезут, чего удумала-то? Ты на термометр посмотри, милая. Какой мороз?!

Термометр и правда показывал всего пять градусов мороза. Может, неисправен? За окном все казалось совсем не таким. И деревья, запрокинув ветки в небо, метались с неистовым деревянным стоном. И солнце, неоновое декабрьское солнце, слепило в бледно-голубом небе именно так, как бывало только в крещенские морозы. А тут — всего лишь минус пять! Как-то не верится...

Носки все же тайком всунула в рюкзак, к дежурной фляжке с коньяком и жестяной коробке с бутербродами. Ничего, если промерзнет, не дай бог, найдет — лишь обрадуется. Невелика ноша, да и не на себе нести. Все на машинах, которые больше танки ей напоминали.

Мужа проводила, сверила новогодний список с содержимым холодильника и шкафов и засобира-

лась в магазин. Пора было покупать мандарины и копчености, до праздника оставалось три дня, самое время.

Все купила в магазине неподалеку, без очередей, без гвалта, без нервотрепки, хвала небесам и правительству. Она считала, что именно так все и обстоит, что только оттуда все блага, не особо прислушиваясь к гневной критике оппозиции и атеистов.

Вышла из магазина, направляясь домой, и тут как раз и поволокло на небо этот серый холодный сумрак. Не будь ниже нуля, так бы и подумала, что дождь сейчас польет. И снова тихо сделалось. Будто город их кто решил ватным тампоном прикрыть. Огромным ватным тампоном грязного серого цвета. На душе тут же сделалось неуютно так, и захотелось скорее домой. Где просторные теплые комнаты, красивый пол с подогревом, толстые ковры, где дорогая удобная мебель и очень дорогая посуда, мыть которую она в первое время отчаянно боялась: как бы не разбить. Сережа посмеивался и советовал не бояться, мол, еще купим. А она все равно опасалась. Да чего там посуда! Она и по полу-то в первое время с опаской ходила. Все удивлялась, что это за пол такой, из щелей которого не сквозит?! А вместо этого приятно греет ступню, и можно даже зимой ходить по нему босиком и без опасения развалиться на нем перед камином.

Сережка так часто делал, подкладывая под голову огромную мохнатую игрушку-собаку. Заваливался на пол и смотрел сквозь ленивую дрему на пламя.

Он на пламя, а она на него. Что красивого в пламени том? Насмотрелась она на него в детстве и юности. Костры через день жгли во дворе, чтобы картошки напечь, чтобы просто согреться, и от нечего делать жгли. Чем еще-то себя занимать было? Не в подвале же на трубах клей нюхать, пока мать на смене? Уж лучше возле костра...

— Здравствуйте, Надежда, — чопорно поприветствовала ее консьержка.

Тут же покосилась на нее с противным значением из-за стеклянной перегородки своей конторки и снова уткнулась в вязание.

«И что можно было вязать так долго и так постоянно?» — с раздражением подумала Надежда, неторопливо подходя к лифту. Ведь смена за сменой, день и ночь через двое, вяжет и вяжет, вяжет и вяжет! И ладно бы что-то разное, а то все одного какого-то грязного серого цвета, как те вздувшиеся ватные облака теперь на улице. Может, вяжет, потом распускает, и снова вяжет, а? Чем не занятие для старой перечницы?

Консьержка ее не любила. Надежда спинным мозгом, всеми своими жилами это чувствовала. Не любила не за что-то, а просто так, из желчной зависти, что девке этой — Надежде то есть — вдруг повезло выйти очень уж удачно замуж, а кому-то — более достойному, может, даже ее дочке, внучке и так далее, не повезло. Мыкаются в девках, бедные, а могли бы вполне и в шубах таких же щеголять, и уши с пальцами украшать камушками сверкающими.

Надежде всегда казалось, что эта пожилая женщина постоянно думает о ней именно так. Как вот только остановится ее мутноватый, заезженный постоянным вязанием взгляд на ней, так и вспыхивают в старческом мозгу воспаленные завистью мысли.

Ах, да ну что там говорить о посторонней тетке, если своя собственная родня злобится и шипит время от времени за ее спиной! Мать и та неделю назад, когда они встретились случайно у метро, оглядела ее с прищуром, пощелкала пальцем по пуговице на новой меховой куртке и проговорила с укором:

— Богатая ты, Надька, стала. Смотри, как бы не зажратья тебе!

— Ма, ну ты чего, а? — Надежда сразу расстроилась. — Мам, ну ты-то чего? Ладно другие...

— Да так я. У Стаськи сапоги разорвались вдрызг, новые купить не на что, а ты на каждый день недели разные меха надеваешь. Нехорошо, дочка. Надо родне-то помогать. К кому, кроме родни, потом придется голову приклонить? Помогать надо родне.

— Ма, ну как?! Ну ты-то чего, а?!

Стаськой звалась ее младшая сестра Таисия. Была она всего на три года младше Надежды, но намного выше и намного красивее ее, как считала сама Таисия. Но вот везением ее бог обделил. А сестрица удачливая все чего-то с помощью медлила и все никак не хотела вникать, что с богатого мужа нужно тянуть, тянуть и тянуть, пока он еще любит, дорожит и все такое.

А Надежда не могла тянуть, не хотела вникать и считала, что помогать за счет Сережи своей род-

не — это очень неприлично. Он работает от зари до зари, а Стаська вместо того, чтобы о своем будущем думать, скитается непонятно где.

Мать ладно, она вне упреков. Работала всю жизнь медсестрой в хирургическом отделении. Ишачила иной раз подряд по три смены за приработок. Так урабатывалась, что однажды труп от живого человека не могла отличить. Чуть с работы не вылетела, когда хотела покойнику после остановки сердца капельницу поставить. Оставили из жалости и уважения к многолетней пахоте доработать до пенсии.

А Стаська...

Поступила в институт, бросила через год. «Не мое», — говорит. Поступила в колледж какой-то, снова бросила. Снова не ее. Устроила ее мать на работу, к какому-то уважаемому богатому бывшему пациенту, оперировавшемуся в их клинике. Выдержала три месяца. И теперь мотается где-то целыми днями, обувь рвет, как считала Надежда. Толку-то, толку-то никакого не было от ее мотаний и скитаний. Одни амбиции и желания неумные. Да и еще зависть к более удачливой сестре.

— Денег я просить у Сережи не стану, — категорически заявила Надежда в ту последнюю встречу с матерью. — Это неприлично, ма. Я и для себя-то ничего у него не прошу!..

Мать повернулась и ушла, и больше не звонила, а когда Надежда сама позвонила и начала осторожно выведывать у нее про их с сестрой планы на новогоднюю ночь, категорически отрезала:

— Наши планы с вашими никак не пересекаются, дочь.

И бросила трубку. А Надежда, если честно, первый раз вздохнула с облегчением. Ну наконец-то! Наконец-то ей не придется разрывать себя между любимым мужем и своей родней за праздничным столом. Не нужно будет отвлекать Сережу, когда Стаська вдруг нечаянно или нарочно рыгнет. Не нужно будет бояться скользких, неприятных тем и смеяться наигранно, когда мать примется собирать со стола кости и объедки для своего кота. А потом, после их ухода, не нужно будет лихорадочно искать ответы на недоуменные Сережины вопросы.

Они встретят вдвоем этот Новый год. Так они решили. Правильнее, втроем. Но их третий еще очень, очень крохотный. Он только успел зародиться внутри нее. И зарождение его стало для них такой неожиданностью, таким счастьем, что они решили ни с кем этой праздничной ночью не делиться. Только она и он, только вдвоем, только вместе.

— А все остальное пусть катится к черту! — счастливо смеясь, проговорил Сережа, целуя ее живот. — Всё и все, Надюша! Только мы, и больше никого! Мы даже говорить никому ничего не станем. Пока не станет заметно. Идет?

Она кивала, соглашаясь.

— Как станет заметно, тогда и скажем всем, а пока, тьфу, тьфу, тьфу, чтобы не сглазили!

«Чтобы не сглазили, чтобы не испортили сча-

стья», — добавила она тогда про себя. А потом будь что будет!

Бронированная дверь их квартиры мягко щелкнула, закрываясь за ее спиной. Вот она и дома, хорошо. Сейчас повесит шубку в шкаф, сапоги поставит в тумбу для обуви, уложит мандарины и копчености в холодильник. Вскипятит чайник, встанет у окна и будет смотреть на широкий двор. Можно взять печенье из вазочки. Нет, лучше не надо. Его следует есть над столом, нароняет крошек на пол возле окна, босиком не пройти. Только пол протерла перед уходом. Ничего, обойдется одним чаем, без печенья. Из той самой кружки, которую на такой вот одинокий случай держала в самом дальнем углу шкафа.

Кружка была дешевой и большой, в нее не приходилось доливать кипятка, и за нее не страшно. Если разобьется, так ничего, это не чашка из дорогого фарфорового сервиза.

Надежда поставила чайник кипятиться и пошла переодеться для дома.

Темные трикотажные брюки, легкая кофта с рукавами, под нее тонкая футболка. Домашние туфли на небольшом каблуке. Все это, может, было ни к чему, она понимала, да и Сережка посмеивался. В доме было очень тепло, и можно вполне щеголять в шортах и шлепать босиком, но...

Это было частью ее ритуального домашнего счастья. Именно так были одеты красивые женщины из рекламных роликов, которые потчевали своих дорогих мужчин в дорогих своих и ухоженных домах.

И именно так, она решила давно, она будет выглядеть, если все у нее такое состоится.

Состоялось. И теперь, хотелось ей того или нет, марку нужно было держать. Обещала же самой себе, зарок надо держать, чтобы, тьфу-тьфу-тьфу, ничего другого худого не случилось.

Чай в ее дешевой большой кружке был очень дорогим и ароматным. И он, благоухая, словно укорял ее за то, что она подобрала для него недостойную керамическую оправу. Его следовало подавать непременно в дорогом фарфоре. Того требовали правила, о том гласил ритуал. А она...

Она бунтовала тихонько и с непонятым легким злорадством всякий раз заваривала его именно в той самой дешевой огромной кружке, о существовании которой Сережка не подозревал. И наблюдала с удовольствием, как отдает кипятку свой цвет и аромат капризный дорогой чайный лист.

Все ведь можно было смешать, все условности и правила, стоило только захотеть, не так ли! Ее Сережке тоже жужжали в уши, когда он собрался жениться на ней — на простой студентке без роду и племени. Десятки раз проводя сравнительный анализ явно не в ее пользу. У него Гарвард, а у нее?! У него знание четырех языков, а у нее один со словарем?! У него четыре небольших преуспевающих строительных фирмы и два строительных магазина, а у нее лишь пара осенних ботинок с оборвавшимся шнурком на одном. У него элитная квартира в центре города и недостроенный дом за городом, а у нее с

матерью и сестрой проходная двушка в хрущевке. Наконец, его родители были потомками знатных родов, а у нее мать — совсем простая женщина!

Оправа должна была соответствовать драгоценному камню, и наоборот! А в ее случае — битое бутылочное стекло, вспыхивающее лишь в луже...

Она все это выдержала. И жужжание за их спинами, и откровенные укоризненные взгляды его родителей, и непринятие ее во многих домах. Все выдержала с достоинством, продолжая кротко улыбаться в искореженные гневом физиономии, хотя хотелось орать, рычать и рвать эти лица в клочья.

И ведь победила, черт побери! Заставила и принимать ее в тех самых домах, куда раньше вход был заказан, и улыбаться ей в лицо заставила, и шепот приглушила со временем за их спинами.

Упорство и труд все перетрут, не так ли? И она упорно трудилась для того, чтобы стать тем самым ограненным алмазом, способным соответствовать ее Сережке. Нет, не так. Она не стала им, она просто научилась им казаться, вот! И заставила всех видеть это, как заставляла всякий раз распускать дорогой чайный шлейф капризного напитка в дешевой глиняной посуде.

Пусть думают о ней теперь именно так, как ей хотелось. И пусть думают, что ее действительно приводят в восторг подлинники великих живописцев, когда она с умильным интересом смотрит на них и щебечет об этом и щебечет.

А ее, черт побери, совершенно другое приводит в

умильный восторг, совершенно другое! Суетливая возня пожилых соседей с их половиками во дворе способна скорее прослезить ее, чем поворот головы застывшей на холсте много веков назад герцогини.

Она рассуждает, как плебейка? Она и есть плебейка, ну и что! Зато какого мужика ухитрилась отхватить, как скрипнула бы зубами Стаська. За ним стадо невест ходило, а пленить одной только Надьке и удалось. Что он в ней рассмотрел, интересно?

«А может, то и рассмотрел, — думала Надежда про себя, — что она способна, как вот теперь, смотреть на суетливые движения стариков во дворе и с умилением мечтать».

Вот придет много-много лет, и они с Серезжкой так же, как эти двое — тетя Шура и дядя Володя — в канун Нового года выйдут в их двор и станут трясти гобеленовые покрывала, ухватившись артритными пальцами за четыре конца. А затем постелят на снег половички из ванной и туалета и станут швырять на них снег и сметать его потом веником, деловито подгоняя друг друга.

Хотя швырять теперь снег не было нужды. С толстых хмурых облаков посыпало так густо, что через пять минут Надежда уже не смогла рассмотреть крошечные фигурки пожилых соседей со второго этажа их подъезда.

Чай в ее кружке закончился, а она все не уходила от окна, наблюдая за снегом.

Он валил крупными хлопьями, будто кто-то сидел сейчас там наверху и неистово рвал от огромно-

го ватного тампона куски и сбрасывал их на землю. Ей даже захотелось открыть окно и потрогать рукой летящий с неба снег, так он походил на ватные комочки. Такими ее мать обычно унизывала их новогоднюю елку, притащив с работы вату. Она становилась подле елки на табуретку, поднимала руки выше с зажатым в них ватным куском и принималась отрывать от него крохотные комочки и швырять их беспорядочно на игольчатые лапы.

Сейчас снег летел с неба строго упорядоченно. Она даже не смогла заметить, чтобы один снежный комок налетел на другой или столкнулся с ним, и ложились они очень ровно, без суеты и хаоса. Подоконник за их стеклом очень быстро обрастал снеговой шубкой.

Все ровно, методично и по порядку...

Так именно все должно было быть и в их с Сережкой дальнейшей жизни: всегда ровно и по заведенному порядку, без хаотичного мельтешения, без болезненных суетливых взрывов. И если уж им и суждено под Новый год что-то вместе обметать на снегу, то пускай это будет меховая подстилка их огромного пса, охраняющего их огромный загородный дом. Никакой гобеленовой дешевой пошлости.

Это она так, чуть расчувствовала под методичный снеговой полет. Умиляли ее, конечно, старики, слов нет как умиляли, что дожили вместе до золотой свадьбы, что без нервов и без упреков занимались вдвоем предновогодней уборкой, и о золотой свадьбе с Сережкой она тоже мечтала, но...

Никакой больше нищеты! Никакой и никогда! Она сделает все ради этого, и на многое пойдет, и станет хранить в своем сердце любые страшные тайны, лишь бы больше никогда не дуло из-под пола ей на пятки. Лишь бы не обворачивать ступню целлофановым мешком, когда протекают сапоги. И чтобы не драться со Стаськой из-за прожженной ею дырки на твоей новой кофте.

Никогда! Ни за что! Она готова ради этого на многое, если не на все...

ГЛАВА 2

Эта выскочка с красивым гордым профилем снова торчала возле своего окна, прихлебывала чай, и снова ее безмолвное спокойное созерцание приводило Александру в тихое глухое бешенство.

Что она возомнила о себе, интересно? Эта девка без роду и племени, достоинством которой была одна-единственная смазливенькая молодость, что она о себе возомнила?!

Ходит по их двору, с достоинством королевы таская на плечах дорогие шубы, никого и ничего перед собой не замечает, здоровается так, будто одно ее слово стоит целого состояния! Без особой нужды трясет левым запястьем, посматривая на часы, для чего?! Для того, чтобы все видели три ее бриллиантовых кольца и золотые часики на золотом браслете?! Целует своего мужика на виду у всех возле его машины, для чего?! Для того, чтобы ей все завидовали? Для того, чтобы уколоть кого-то?

А вот смотрите, как я счастлива, смотрите, как у меня все отлично, смотрите, как мы любим друг друга...

Так, что ли? Для этого, что ли, весь этот дешевый театр под их окнами в их общем дворе разыгрывается?

Господи, какое дерьмо! Какое откровенное дешевое дерьмо!

Она — эта девка — откровенно полагает, что получила такого удачливого мужика себе в мужа на всю оставшуюся жизнь?! Что они станут жить долго и счастливо и умрут в один день?! И что и в радости и в горе будут вместе, пока смерть не разлучит их?! Она — эта дешевка с красивым гордым профилем — в самом деле думает, что так всегда и будет?!

Идиотка!!! Пустая напыщенная идиотка!!! Идиотка, не способная понять, что... что так не бывает в этой говенной жизни! Не было еще ни с кем и никогда ни у кого не будет! И Сереженька ее не станет всю оставшуюся жизнь тискать в своих сильных красивых ручищах только одно тело! Тискал до жены сотни других и столько же станет тискать после! Нет, может, он ее и не бросит — девку-то свою. Может, и проживет с ней до старости, и будет спать и пердеть с ней под одним одеялом еще много-много лет, но...

Но что изменять своей молодой жене он станет уже очень скоро, Александра не сомневалась.

Ну ладно, может, и не очень скоро, когда-то еще

на личике его Надьки появятся первые признаки увядания. Но вот когда появятся, и когда он впервые обратит на них внимание, тогда берегись, симпатичная молоденькая тварь. Тогда-то и придет конец твоему счастливому щебету.

Года два-три, максимум четыре нужно на все это дерьмо.

На какое?

Да на такое, когда у мужика вдруг обнаруживается сонливая пресыщенность одним телом. Когда ей из кожи вон надо вылезать, чтобы у него на нее встал. Тут много всяких средств бывает нужно: от ажурного белья до плетки. И приходится выдумывать, изворачиваться.

Вот вылезает она, стало быть, вылезает из кожи вон, стараясь расшевелить его окаянный отросток, бьется над ним, бьется, а того не знает, что и это исчерпает себя уже очень быстро. Что и кружево ее надоест ему, и что задницу под плетку всякий раз подставлять ему запаadlo станет, и что напиток ее любовный наутро изжогу вызывать будет. И захочется ему простую дешевую девку прямо в коридоре на подоконнике, прямо в кабинете на столе, прямо все равно где, лишь бы ЧУЖУЮ и МОЛОДЕНЬКУЮ!

А после понеслось, поехало, возрастной ценз на секс давно уже опустился до самого нижнего предела. Стало быть, моложе той молодой будут еще моложе, и так далее, и так далее, и так далее.

Все это Александра уже проходила и пережила.

Обо всем этом знала не понаслышке. А ведь и старалась, и мудрила, и хитрила, и ужом извивалась, все бесполезным оказалось! Все равно выселил свою начавшую дряхлеть и покрываться морщинками супругу ее муж с модного шоссе в эту пускай и элитную, но трехкомнатную квартиру.

— Муся, ты же умненькая девочка, — бормотала лысая скотина, периодически заваливая к ней под утро после девок. — Ты же понимать должна, что в доме тебе не место! Там мои цыпочки день и ночь ножками дрыгают. Они станут тебя раздражать, мешаться. Живи тута, Муся...

Она и жила. Не роптала. И стол к его приходу накрывала. И даже спать укладывала, когда лысая скотина вдруг способна была ее возжелать.

А как возмутишься-то, если она целиком и полностью от него зависела? Просрала в свое время состояние отца, передоверив мужу — этой лысой скотине — ведение всех семейных дел. Он и подгрёб все под себя. И оставил ее пускать слюни на глупое молодое прошлое: могла бы в руках его держать, как бы не была такой дурой, упустила шанс, теперь чего же...

Об этом всегда говорил ей его отвратительно проникновенный взгляд, когда он совал ей в руки конверт с содержанием на неделю. Об этом в один голос говорили ей ее подруги.

Хотя какие к хренам подруги! Суки одни рядом, а не подруги. «Ты, — говорят, — Санька, сама виновата. Ни к чему было тебе, — говорят, — так перед

ним стелиться да любовь свою ему дарить всю без остатка. Пресыщаются, мол, они очень быстро — мужики-то».

Нет бы поддержать ее в тяжелую годину. Нет бы поныть так же да поскулить, сидя рядышком с ней на ее мягких кожаных стульях в ее столовой.

Что ты! Им только дай заклеимить да на путь истинный направить. Тоже еще наставницы! У одной мужик — в четвертом поколении алкаш, пропивает почти все, что зарабатывает. Кому такой нужен? Кто на такого позарится? Только одной жене и маяться и век доживать с ним.

У второй — уже шестое дело открывает, да всякий раз разоряется. На такое счастье тоже не много желающих.

Вот им и всласть ее поучить, как с мужиками надо управляться, а за глаза-то небось злорадствуют, что ее благополучию конец наступил. Одно дурам невдомек, что она из своего поражения вышла если и не с достоинством, то, во всяком случае, не нищей. А они что? Они по-прежнему копейки считают и мужей своих с попоек ждут до утра до самого. А ее скотина лысая..

Будто услышав, он тут же позвонил на мобильный и зажурчал, гад, зажурчал:

— Муся моя, привет.

— Привет, любимый, — приглушив скрежет звуковный, кротко ответила Александра.

— Чем занимаешься?

— Чем я могу заниматься, душа моя? Жду тебя!

— Ждешь? — он недоверчиво хмыкнул, что-то сострив тут же про деньги.

— Конечно! Я всегда тебя жду. Тебя и только тебя, ты же знаешь!

Здесь она мало врала даже самой себе. Кроме ее муженька, ей вряд ли теперь кто был нужен. С ним было привычно, удобно, и если приходилось притворяться, то тоже привычно, без особых изысков. Он, хоть и понимал прекрасно всю игру жены, принимал ее и ценил по-своему. Считал, что лучше уж пускай своя выкручивается, чем чужая.

— Слушай, Муся... — лысый хрен отвратительно замолк на минуту, не иначе пакость какую-то очередную для нее уготовил. — У тебя какие планы на новогоднюю ночь?

— Ох, ну какие у меня могут быть планы, любимый? — она коротко хихикнула, тут же насторожившись и соврав: — Дома сидеть буду возле телевизора с бутылкой шампусика.

На самом деле она собиралась кое-куда наведаться, и даже платье уже приготовила и записалась на прием к косметологу и парикмахеру, выложив за предварительную запись неслыханную по ее теперешним доходам сумму.

— Ага, — муженек тут же обрадовался. — Коли никаких планов у тебя на встречу Нового года нет, хочу тебе кое-что предложить.

— И?

В душе заныло, ох как в душе тут же заныло! Неужели свершилось?! Неужели пресытился ста-

рый кот молоденькими кисками? Неужели захотелось домашнего уюта в домашних тапках и пижаме под ее обворожительный треп про его необыкновенные достоинства? Да она...

Да она прямо хоть сейчас! Прямо сию минуту в сапоги впрыгнет и пешком до дома попрется, куда ей теперь путь был заказан.

— Есть один человек, он... Как бы получше высказаться... — муженек замаялся, не зная, как подступиться и поделикатнее изложить ей свою просьбу. Потом со вздохом сказал, как есть: — Короче, мне нужно, чтобы ты взяла на праздник шефство над ним.

— Оп-па! — не хотелось, да просквозила в ее возгласе насмешка. — Что так, милый? Ему что, сто два года?

— Почему сто два? Нет. Ему даже чуть меньше, чем мне. На пяток лет даже, пожалуй.

— Ну!

— Чего «ну», Муся?! Чего «ну»?!

И он тут же с раздражением начал выговаривать ей, что не так часто просит ее о чем-то. Что за те блага, которыми он ее осыпает, она могла бы и не рассуждать.

А ведь совсем забыл, гад, что эти блага изначально были ему ее папкой дадены. И что если бы не отцовский бизнес, который они унаследовали, сидеть бы ему по-прежнему в своем селе под Рязанью. И жрать картошку с бочковыми помидорами и селедкой ржавой из местного сельмага.

Да разве скажешь! Обидится. Она раз сказала, и чем это закончилось? Выселением, вот чем. Выселением ее в эту квартиру. А ведь и сказать-то тогда посмела...

Нет, не сказать. Поставить ультиматум она ему посмела: или я, или твои проститутки! Он ухмыльнулся паскудно и послал ее вон, предпочтя тех самых, о ком она высказаться посмела с презрением.

Так что лучше уж принимать все его условия, причем с благодарностью.

— Да я ничего, любимый, — заворковала она с волнующей игривостью. — Просто удивляюсь...

— Удивляется она! — фыркнул благоверный, перебивая. — Чему удивляешься-то, Муся?

— Ну как... Вам же все молодых и загорелых подавай. А я что?

— А ты что?

— А я — помятый изрядно второй сорт. — Александра с печалью глянула на себя в большое зеркало на стене, потерявила начавшие обвисать щеки. — Причем очень изрядно помятый, милый.

— Да ладно тебе, Муся. — Супруг заметно расслабился, хохотнул утробно. — Ты в полутемной комнате да на кроватке еще очень даже ничего.

— А мне что, с ним спать придется?! — снова ахнула она, изменив их общим правилам.

— А ты против? — изумился лысый хрен, совершенно, причем, искренне. — Чё такого-то, Муся? От тебя убудет, что ли? Давно уже без мужика, а тут так подфартило. Чё ты?

— Нет, ну ты ваще... — горький комок жгучей обиды встал в горле, хоть реви в голос.

Дожила, что называется! Ее муж, который даже не удосужился с ней развестись до сих пор, хочет положить ее в чужую постель!

— Ты же знаешь, что я ни с кем, кроме тебя, любимый! — проникновенным шепотом соврала она. — Как я могу?! Он что, извращенец?

— Почему?

— Нет, ну мне сколько лет?

— Не так уж и много, сорок пять всего лишь.

— Ну! И ему столько же, если верить тебе. Почему тогда ему с молодыми кокотками не трахаться?! Чего его на старух потянуло?! Извращенец, я спрашиваю?

— Ну ты и сказала, — неуверенно рассмеялся ее муж. И тут же начал выкладывать карты на стол. — Понимаешь, мне его нужно во что бы то ни стало получить как компаньона. А он неприступен! Выпал случай вместе отметить Новый год. Он вроде не против, только при условии, что для него пригласят женщину-ровесницу. Говорит, от молодых жоп оскомина. А у меня никого из знакомых твоего возраста. В том смысле, что никого, кто так шикарно для своих лет выглядит, Муся! Ну выручай!

Подобный комплимент от него дорогого стоил. Артачиться дальше значило поссориться. А этого допускать было нельзя.

— Черт с тобой, старый хрен, — проворчала она, вспоминая былую манеру их общения, когда еще

можно было назвать так друг друга в шутку, ничуть не обидев. — А чего же дожили-то до такого, мужики? Почему так молодухи-то надоели? Глуповаты или уже не получается с ними ничего, нужно, чтобы тетушка постаралась?

— У меня все получается, — тут же надулся он. — И мне не надоели. Но тебя прошу об услуге. Поверь, озолочу!

— Кстати, насчет озолочу. А в чем мне идти? И куда? Куда мне отправляться в гости?

— Насчет в чем, не беспокойся. Заеду через час, завезу деньги и визитку оставляю одного модного нынче стилиста, подберет что-нибудь тебе по вкусу и возрасту. А насчет куда?.. — муженек подозрительно помедлил с ответом, потом огорошил: — Придется тебе, милая, в свой бывший дом в роли гостыи пожаловать.

— В дом?! Бывший?! Гостыей?! — огромное зеркало тут же подло поймало глубокие скорбные складки вокруг ее рта. — А... А как же... А кто же там в роли хозяйки выступит, милый?!

— Нет, ну какая тебе разница, Муся?! — так заорал ее муженек, что у нее ухо тут же заложило. — Кто в роли хозяйки?! Мне без разницы, чей подол будет возле моих коленок трепаться в эту ночь, поняла?!

— Поняла.

— Так ты согласна или нет? Мне заезжать? — уже чуть тише уточнил он.

— Заезжай.

За час, предшествующий его приезду, она успела вымыть волосы, взбить их и уложить наверх, как он любил когда-то. Хотела подкраситься, потом передумала. Зачем? Ему-то зачем? Переодеваться тоже не стала, оставшись в домашнем халате. Шелк все же, не старый сатин в цветочек. Поставила на огонь чайник, наделала бутербродов с черной икрой. Любил ее лысенький побаловать себя икоркой, считал, что мужских сил с нее прибавляется. И хотя силы эти не на нее были рассчитаны, она исправно потчевала его икрой. На его же деньги было куплено, ей жалко, что ли?

Явился, как всегда, минута в минуту. Швырнул на изящный столик в прихожей свой объемистый портфель, выдохнул с усталостью изможденной в борозде лошади и тут же поинтересовался ворчливо:

— Пожрать есть что-нибудь?

— Конечно, дорогой.

Она пошла в кухню, завиляв по привычке бедрами, хотя знала, что до ее кривляний ему нет никакого дела. Особенно когда он такой вот — смурной и брюзгливый.

Дождалась с его плеч пиджака себе на руки, повесила на спинку стула. Поцеловала в лысую маковку и принялась хлопотать. Чай непременно в стакане и бронзовом подстаканнике, фишка у него такая осталась с нищенских рязанских времен. Бутербродики с икоркой, тонкие ломтики твердого сыра и прозрачные лепестки сырокопченой колбаски. Ничего сладкого либо мучного ее муженек не призна-

вал и признавать не собирался впредь. Говорил, что пирогами с детства у него вся твуха была забита, потчевали мать с бабкой.

Сграбастал стакан, отхлебнул с протяжным хлюпаньем и тут же впился ровными крепкими зубами в бутерброд, замычав и замотав головой от удовольствия.

— Молодец, — похвалил он минут через десять, насытившись. — Кстати, неплохо выглядишь, Муся.

— Спасибо. — Александра села к нему вполоборота, спустив полу халата с коленки, и тут же затрясла ногой, пытаясь сдвинуть ткань еще выше. — Итак, любимый, если ты насытился, может, ответишь мне на пару вопросов?

Любимый набычился сразу, засопел и глянул так, как глядел в прежней жизни наутро после загула. Отвалила бы ты, мол, и не лезла в стонущее с похмелья нутро.

— Чего надо-то? — молвил он наконец, слегка отпустив галстук и ремень на брюках.

— Кто он? Только вот не надо так брови делать, Вить! — прикрикнула она на него, заметив деланое изумление на его лице. — Кто этот хрен, под которого ты собрался подложить свою старую, брошенную тобой жену, ну?!

Витя поморгал белесоватыми ресницами, пожевал полногубым ртом, подергал заматеревшими плечами и проговорил нехотя:

— Между прочим, ты мне потом, может, еще и спасибо скажешь.

— Да ну! Это за что же?!

Все, халатик с ноги сполз окончательно, обнажив ее неприкрытую бельем плоть. Не носила она белья дома, дура, что ли! Кто ее тут видит? А Витька давно уже все рассмотрел и охладел давно. Правда, нет-нет да косился, похотливый козел. Как вон теперь. Стоило телу ее оголиться, тут же глазами и носом повел.

— Так за что я тебе должна спасибо сказать, Витек? — Александра шутливо шлепнула его по протянутой к ее ноге руке.

— Эх, Муся... — он сунул руки себе в карманы брюк. — А спасибо скажешь. Поверь мне. Мужик в порядке. Видный. Правда, усталый какой-то, издерганный. С женой у него, что ли, проблемы.

— У вас у всех с женами проблемы! — фыркнула она весело и подмигнула ему. — И все вы от них устаете со временем. Пока они молоды, так все в порядке...

— Ну, завела ту же песню, — перебил он ее с усталой мимикой. — Да молодая у него жена, молодая.

— Почему тогда? Деньги с него теребит?

— И деньги сама делает. У нее самостоятельный бизнес. И красавица, хоть завтра на обложку. А вот что-то не то! Я однажды при их встрече присутствовал, так со стороны и то заметил, как у него скулы свернуло от ее поцелуев. Я-то тебя, к примеру, до сих пор целую с удовольствием, Муся, — его глаза снова зажглись похотливым огнем. — Может, чего придумаем, а, детка?